

ЛЮДИ СОБИРАЮТ... КАМНИ. Чторь можно было потом на этом поле пахать и сеять. Сборщики камней. Без них в горных районах не взойдет ни один урожай.

В театрах тоже бывает время сбора урожая. А если театр новый, то времени этому предшествует подчас очень длинный период сбора всякого рода «камней», которые обязательно встречаются на пути молодых театров. Нет средств, нет помещений, нет... Эти камни могут любой росток погубить...

«Комсомольская правда» уже писала о том, как помог комсомол Армении создать новые театры. Теперь пришло время посмотреть: что же из этого получилось?

Итак, уже дан третий звонок. Пройдите в зал.

1. ИЗ-ЗА АЖУРНОЙ, средневековой решетки появились скрюченные люди. Они застыли, будто готовясь к броску. И стало ясно: не люди это — крысы.

Пушкин. «Скупой рыцарь» и «Каменный гость». Ереванский экспериментальный молодежный театр.

Крысы выскочили на сцену и с визгом набросились на невидимую нам, зрителям, цель. Люди-крысы, готовые уничтожить друг друга за добычу. Потом одна из них станет Дон Гуаном, вторая — Скупым Рыцарем.

Грация Казарян — главный режиссер театра — похож на древнегреческого философа. И не столько своей окладистой бородой, сколько пристальным, проникающим взглядом. И говорит Грация спокойно и неторопливо, не выстреливая слово, а будто преподнося его.

— Конечно, на сегодняшнем спектакле трудный зритель. Только разве он виноват, что его приучили: в театр надо идти за весельем? Конечно, удобно его ругать, но меня, честно говоря, раздражает «снобистская» позиция некоторых режиссеров: мол, если хоть один зритель в зале меня поймет — уже прекрасно. А в чем виноваты остальные зрители? Человек работал, потом долго ехал или шел к нам в театр. Какое право имеем мы не уважать этого человека? А уважать зрителя — значит увлекать его. Только если спектакль будет увлекательный — он сможет чему-то научиться.

А зрительный зал улыбался. А то и вовсе смеялся откровенно. «Маленькие трагедии» шли заменой, зрители пришли на водевиль, и, казалось, нет такой силы, которая сможет сломать их веселое настроение...

...Трудный, неуловимый Пушкин. «Сказка ложь, да в ней — намек». Намек сам ищи, сам выбирай из десятка прочтенный — свое. Театр выбрал из «Маленьких трагедий» два пушкинских размышления о пороке. Два изблечения порока. Поставил спектакль под руководством Казаряна молодой актер и режиссер Артур Саакян.

Когда актеры будущего театра делали свой первый спектакль — по стихам Маяковского, — у них не было ничего, кроме таланта и энтузиазма. Однажды Казарян узнал, что двое его актеров за день съели всего одну порцию мороженого на двоих — на большее ни времени, ни денег не хватило. Они жили работой... Слова эти для них имели едва ли не буквальный смысл.

— Сегодняшним актерам, как, впрочем, и людям искусства вообще, не хватает жертвенности, — считает Грация

Казарян. — Не так давно один наш актер не пришел на спектакль только потому, что у него болела голова. Звоню ему, говорю: «Ты живой? Почему же ты не здесь? Ведь если ты можешь встать с постели — обязан выйти на сцену».

Суровая позиция? Наверное. Но не в ней ли суть и самого Казаряна, и актеров его театра? Та суть, которую угадали в нем работники ЦК ЛКСМ Армении, когда он пришел туда с идеей создания собственного театра.

...И все-таки зал откликнулся. Когда Скупой Рыцарь — Барон произносил свой знаменитый монолог: «Счастливы день! Могу сегодня я в шестой сундук (в сундук еще неполный) горсть золота накопленного выплыть». В зал смотрело молодое красивое лицо, искаженное жадностью. Оно было

на — грубого, жестокого, циничного:

— Весь мир я брошу к моим ногам. Кому нужно столько стран и царей. Хватит и одного меня...

Соберите новое войско, пусть оно выступит походом против всего мира...

— Но воинов много перебьют, — пытаются возражать ему.

— И наплевать, что перебьют.

Узнаете? Увы, живуч Назар. Страшна мания тиранов, и бесславный позорный конец — их удел.

Так, в ироничном ключе, ведется разговор о вещах серьезнейших, сегодня — важнейших.

Главный режиссер театра Ара Ернджакян — человек улыбчивый, как-никак бывший капитан команды КВН. И даже когда говорит о вещах

которые играют на «сцене» малого кинозала Дома кино.

— Вы знаете, — говорит Малян, — в театре я, может быть, и не люблю ничего, кроме актера, мне кажется, что я могу выжать из него все его дарования. Что для этого нужно? Искренний контакт между режиссером и актером.

Малян — человек, который, кажется, имел все: славу, любимое дело, признание... И вот он начинает дело с нуля. Почему?

— Создать новый театр — это означало позволить молодым выразить то, для чего они пришли в этот мир. Впрочем, почему только они? И я сам — тоже.

...Декораций в спектакле нет. Вместо них — ширма, как символ театра. Ширма помогала актерам играть «Сказки» Ованеса Туманяна.

Вспомним: в сказках Туманя-

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

омерзительно — это прекрасное лицо. Саакян играл воплощенную алчность, играл с такой яростной силой ненависти, что загипнотизированный зал смотрел на него, не отрываясь. Поразительно: но один из нас, ни слова не понимая по-армянски, тоже попал под влияние этого почти гипноза — чувствам не нужно слов.

«Ужасно, когда мастер заставляет молодых подделываться под себя, работать, как он. Художник обязан быть самостоятельным», — эти слова Грация сказал нам на прощание. Волю или невольную вручая их как доказательство будущности своего театра.

II. «ИМЕННО ТАКИМ мы представляли идеального зрителя нашего театра», — гласила надпись, висевшая рядом с зеркалом. Мы посмотрели в зеркало и увидели... себя. Было приятно. Вообще этот театр сделан так, чтобы зрителю в нем было приятно и удобно. Вот, скажем, ниши в фойе — здесь перед началом будут показывать сцены из будущих спектаклей. А вот статуи музыкантов — смотрите, они, как живые, и музыка льется из-под их ненастоящих смычков. Из магнитофона, рядом стоящего, музыка? Ну и что? Все равно: входяшь в театр — и создается настроение.

Последняя премьера театра «Храбрый Назар» — бессмертная комедия Дереника Демирчяна. Театр, пользуясь все теми же средствами иронии и юмора, бросает вызов безумию войны.

Ничего драматического и трагедийного в «Храбром Назаре», кажется, нет. Смешно? Да. Но и грустно. Потом вы начинаете гневаться: как же так? Трусливый «храбрый» Назар, который надоед жене пустым хвастовством и позорно выгнан ею из дома, пережив невероятные приключения, становится правителем...

В пьесе множество персонажей. В спектакле Ереванского камерного театра — два исполнителя. Представляете, какая нагрузка ложится на плечи актеров Г. Тохатяна и А. Мазмания? Впрочем, сразу скажем — они ее выдерживают достойно.

В интерпретации Камерного театра Назар кто угодно, только не простой хвастунишка, в нем притаились черты тира-

серзных, все равно улыбается:

— Как нередко бывает? Выходя зрители из театра и говорят: мол, актер (чаще один) хорошо играл, и режиссер поставил интересно, в пьесе ничего. Разве это правильно? Театр менее всего должен быть демонстрацией. Если зритель только оценивает — значит, что-то не вышло.

Это не просто слова — это принцип театра. Недаром они и знание свое так построили, чтобы человек, попав сюда, сразу почувствовал атмосферу театра. Строили, кстати сказать, удивительно. Когда недавно один авторитетный журнал попросил у них чертежи здания — вынуждены были отказать — таковых нет. Строили на свой вкус — не нравилось, как построили стенку, ломали, строили новую. Создавали свой дом.

Ернджакян — автор всех пьес, идущих в театре, и их постановщик. Чем больше проходит времени, тем яснее становится: он создает свою драматургию и умело воплощает ее на сцене. Его пьесы — притчи, философия которых вырастает из иронии, из юмора, из шутки.

Ереванский камерный — это театр, в котором юмор рождает философию, а философия становится понятней и доступней благодаря юмору.

III. ЕСЛИ человек говорит: «Моя первая любовь — театр, ей верен я всю жизнь», — в этом еще нет ничего удивительного, это даже может прозвучать банально. Но если так говорит не театральный деятель, а известный кинорежиссер, народный артист СССР, согласитесь, можно и удивиться. А именно с этих слов начался наш разговор с Генрихом Маляном.

— В шесть лет я впервые очутился в сказочном, волнующем мире актерского перевоплощения, — говорит Малян, — и уже на следующий день под большим столом, на который повесили занавес, мы с сестрой играли двору свой спектакль. С тех пор я мечтал о театре.

Тут бы и написать: и вот мечта сбылась. Известный кинорежиссер, с детства мечтавший о театре, — его создал. Но театра-то как такового и нет. Есть труппа, спектакли,

на образцы контрастно противопоставляются: добрые и жадные, плуты и простодушные, честные и лжецы, хитрецы и умницы, бунтари и трусы, бедные труженики и богатые лентяи. Молодые актеры в течение нескольких минут познают разные характеры.

Особый образ спектакля — авторское слово. Актеры стараются не подражать, а говорить, как Туманян, передавая нюансы сочного, народного, неповторимого авторского языка.

Был курс в Ереванском педагогическом институте имени Х. Абовяна. Теперь есть театр. Театр еще очень юный, но театр своеобразный. В «Сказках» Туманяна действие шло на одном плане, а ширма словно меняла кадры. Кто-то из зрителей сказал: «Будто сьемки будущего фильма смотрели». А что, может, и вправду: синтез театра и кино?

В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» сказано о том, что комсомольские руководители должны лично участвовать в организации досуга молодежи. Комсомол Армении заинтересованно помогает созданию новых театров — театров молодежных.

Мы не ставили целью подробно рассказать о каждом коллективе — мы просто хотели показать, что может получиться из робких, неокрепших новичков, если в самом начале их жизни в них поверят, им помогут. Ведь что греха таить? — нередко у комсомольских работников просто руки не доходят до самостоятельных театральных коллективов, не хочется им быть «сборщиками камней» — хочется сразу собирать урожай. Но так не бывает.

Талантливые люди не нуждаются в том, чтобы их нянчили. Но они нуждаются в добром к себе отношении, в помощи.

Это и доказали три вечера, проведенные в молодых театрах Еревана.

А. МАКСИМОВ,
А. САРКИСЯН.
(Наша спец. корр.).
Ереван.
Комс. ширма. ВРЧ 29авг, 1977